

Institut Français d'Études sur l'Asie Centrale
Markaziy Osiyoni Tadqiq Qilish Fransuz Instituti
Французский Институт Исследований Центральной Азии

Document de travail de l'IFEAC

Серия «Рабочие документы ИФЕАК»

Выпуск 12 (Январь 2005 г.)

N°12 (Janvier 2005)

LA SYNTAXE DE LA PROPOSITION :

BILAN HISTORIOGRAPHIQUE

Rozanna M. ABDULLAEVA, chef de chaire « Chet tillar n°2 », Institut de médecine-II de Tachkent

ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЙ СИНТАКСИСА ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Розанна М. АБДУЛЛАЕВА, зав. кафедрой «Чет тиллар №2», ТошМИ - II

Ташкент - 2005

Институти Франсавай Оиди Омӯзиши Осиёи Марказӣ

Борбордук Азияны Изилдоочу Француз Институти

Француздың Орта Азияны Зерттеу Институти

Merkezi Aziya Barlaglary Fransuz Ylym-dernew Instituty

Рабочие документы ИФЕАК

- №1 (Февраль 2003 г.), **ПРОТЮРКСКИЙ ВОКАЛИЗМ**, Э. Умаров, Институт Языка и Литературы им. А. Навои, Академия Наук Республики Узбекистан
- №2 (Апрель 2003 г.), **ТУХФАТ АЗ – ЗАИРИН / Мухаммад Насриддин Ал-Ханафи Ал – Хасани Ал – Бухари**, Перевод, предисловие, комментарии-Х.Тураев, кафедра истории Узбекистана, Бухарский Гос. Университет
- №3 (Апрель 2003 г.), **АМИР ТЕМУР БИБЛИОГРАФИЯСИ**, И.Ниязов, Б.Касимов, Б.Баннопов, М.Зикруллаев, Я.Мухаммедов, Фонд «Амир Темур», Б.Ахмедов, академик
- №4 (Июнь 2003 г.), **ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В КУЛЬТУРАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**, Тексты некоторых выступлений на международной конференции IFEAC в 2000г. в Ташкенте
- №5 (Октябрь 2003 г.), **НАЗРУЛЛОҲ РАСУЛЗОДА СУХАНВАР / Т А З К И Р А**
- №6 (Январь 2004 г.), **ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В КУЛЬТУРАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**, Тексты некоторых выступлений на международной конференции IFEAC в 2000г. в Ташкенте, (*дополнение к №4 серии Documents de travail de l'IFEAC*)
- №7 (Февраль 2004 г.), **ИСЛАМСКИЕ ЦЕННОСТИ И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ РЕАЛИИ**, Тексты выступлений на международной конференции организованной IFEAC при участии Гёте Института в 2003 г. в Ташкенте в рамках программы регионального сотрудничества (СОСОР) Министерства Иностранных Дел Франции
- №8 (Май 2004 г.), **«ВЕЛИКАЯ СОТНЯ» КАЗАХСТАНА XX СТОЛЕТИЯ**, Е. Имамбек (ИФЕАК Алматы)
- №9 (Сентябрь 2004 г.), **Сборник статей исследователей из Киргизстана**
- №10 (Ноябрь 2004 г.), **Экспансия подобия (Определение, аспекты)**, И. К. Асадуллаев, Институт философии и права, Академия наук Таджикистана
- №11 (Декабрь 2004 г.), **Крымские татары в Узбекистане**, А. Хамзин, представитель Меджлиса крымскотатарского народа по Центральной Азии, член Совета представителей крымскотатарского народа при Президенте Украины
- №12 (Январь 2005 г.), **Из истории исследования понятий синтаксиса членов предложений**, Р. Абдуллаева, зав. кафедрой «Чет тиллар №2», ТошМИ-П
- Готовится к публикации
- №13 (Февраль 2005 г.), **Средневековый аральский кризис. Культово-погребальные памятники каракалпаков XVII-XIX вв. по материалам могильника Крантау**, В. Ягодин, Г. Ходжаниязов, Ш. Амиров, ИИАЭ ККО АН РУз

Рабочие документы Французского Института Исследований Центральной Азии (ИФЕАК): освещение вопросов, проектов и заявлений, гипотез и точек зрения по поводу ведущихся научных работ, публикация отчетов о проведении круглых столов, и т. д. Ответственность за содержание публикуемых рукописей несут их авторы, предоставляющие материалы в подготовленном для публикации виде (*camera ready*).

Выпуски данной серии распространяются среди специалистов в целях ознакомления и обсуждения. Ссылки и цитирование данных публикаций возможны лишь при согласии авторов.

Координатор: Реми ДОР (Rémy Dor)

Техническое исполнение: Кирилл Кузьмин, Худайкул Ибрагимов, Мухаббат Абдугафурова

Адрес для переписки: Алие Акимова, IFEAC, д. 18а, ул. Ракатбоши
700031 Ташкент – Узбекистан - informations@ifecac.org – www.ifecac.org

ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЙ СИНТАКСИСА ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Абдуллаева Р.М.

Второй Ташкентский медицинский институт

Решение проблемы членов предложения, в том числе главных членов двусоставного предложения, зависит от обращения к эмическим или этическим единицам грамматического яруса (А.М.Пешковский, 1956, с.426-427; Л.С.Бархударов, 1966, с.108-109). В первом случае речь должна идти о линейной последовательности лексем и синтаксических зависимостей между лексемами; речь в таком случае пойдет о синтаксическом управлении, о согласовании и примыкании лексем в их линейной последовательности в предложении (А.В.Кравченко, 1999, с.248-249). В другом случае речь пойдет об обозначении морфемами (этическими единицами грамматического яруса) частей речи, порядковых маркеров и транслятивов. Именно по основаниям описания эмических или этических единиц идут исследователи членов предложения (В.Г.Адмони, 1968, с.240-242; Л.С.Бархударов, 1966, с.104-105; А.В.Бондарко, 1998, с.19-20; А.М.Бушуй, 1973, с.91-92; A.practical English grammar...1978, с.114-115; Duden... 1998, с.358-359). Рассмотрим историю вопроса по указанным двум параметрам.

С позиций подхода к членам предложения как к этическим единицам рассматривают вопрос представители Московской формальной школы и близкий к ним А.А.Потебня.

Н.Н.Дурново понимает подлежащее как "грамматическое подлежащее, или субъект грамматического предложения" - независимый именительный падеж существительного, обозначающий предмет, являющийся производителем или носителем признака, выраженного сказуемым в его открываемом в мысли сочетании с этим признаком (Н.Н.Дурново, 1924, с.86).

Независимость подлежащего Н.Н.Дурново никак не доказывает, и это - главный порок его понимания подлежащего. Не ставит Дурново подлежащее

в зависимости от категории залога (как этической единицы), поскольку эмический эквивалент залога (диатеза) в концепции Московской формальной школе не рассматривается. Помимо недоказуемой "независимости" подлежащего, единственным различителем подлежащего и дополнений являются косвенные падежи дополнений.

Дополнение рассматривается Н.Н.Дурново как грамматический термин, обозначающий существительное в косвенном падеже, являющееся как частью предложения. Н.Н.Дурново подчеркивает, что в некоторых традиционных грамматиках термин "дополнение" употребляется в более узком смысле для обозначения существительного в косвенном падеже, зависящем от глагола или прилагательного, и то, только в том случае, если это существительное не может быть заменено наречием; а существительное в косвенном падеже, зависящем от другого существительного, по сходству функций таких косвенных падежей с функциями согласованных с существительным прилагательных, называется определением; те же существительные в косвенных падежах, которые могут быть замещены наречиями, называются обстоятельствами. Но такая терминология, основанная не на формальных признаках предложения, а на неграмматических значениях известных оборотов, является не научной (Н.Н.Дурново, 1924, с.40).

С тех же позиций трактует Н.Н.Дурново и сказуемое - слово, имеющее форму, обозначающее её как признак в открываемом мыслью сочетании его во времени с самостоятельным предметом мысли, обозначенным подлежащим предложения. Формы, делающие слово грамматическим сказуемым, называются формами сказуемости (формы времени и склонения, обозначающие известные отношения говорящего к предмету его речи). Сказуемым в предложении, или грамматическим сказуемым, может быть глагол в тесном смысле этого термина, т.е. спрягаемые формы глагола, в которых сказуемость выражена формой самих глаголов, а также прилагательные в предикативной (краткой) форме и прилагательные и

существительные в именительном падеже в сочетании с глагольной связкой, отсутствующей обыкновенно в настоящем времени: лошадь *бежит*, вода *горяча*, дети были *больны*, крыша была *железная*.

Раскрывая понятие сказуемости как синтаксической формы, Н.Н.Дурново подчеркивает: "... Именно *формами* сказуемости называются формы, делающие слово грамматическим сказуемым, а такими формами являются *формы времени и наклонения*, обозначающие различия в отношении говорящего ко времени или действительности открываемого в мысли (т.е. в процессе суждения, выраженного предложением) сочетания признака, обозначенного сказуемым, с предметом мысли обозначенным подлежащим. К формам сказуемости относят также формы лица, указывающие на различия в отношении говорящего к лицу, являющемуся *субъектом речи*. Главными носителями сказуемости являются глаголы, образующие в русском языке большую часть форм сказуемости при помощи *аффиксов и флексий основ*, и только немногие формы путем сочетания некоторых глагольных форм с частичными словами - вспомогательным глаголом или частицами (таковы формы будущего сложного и условного наклонения). Остальные слова, являясь в роли сказуемого, образуют формы сказуемости путем сочетания с т.н. связкой, частичным словом, имеющим формы времени и наклонения, причем существительные и прилагательные в таких сочетаниях употребляются в форме именительного падежа, а прилагательные могут также иметь особую форму неопределенной сказуемости, называющейся предикативной (краткой) и являющуюся только в сочетании со связкой или без нее (в настоящем времени) при употреблении прилагательного в роли сказуемого (Н.Н.Дурново, 1924, с.103-106).

Как видно, Н.Н.Дурново усматривает независимость подлежащего не в тектонических зависимостях, а в семантических. Подлежащее имеет статус независимого члена предложения, так как является *предметом мысли*, а не потому что согласуется по формам лица и числа со сказуемым. "Согласование спрягаемого глагола в настоящем, будущем времени и

повелительном наклонении с подлежащим в лице и числе", - писал Н.Н.Дурново. - ... Применения к форме не имеется: существительные не имеют даже несинтаксической формы лица; личные местоимения 1-го и 2-го лица - отдельные слова, а остальные существительные лица вовсе не обозначают; формы числа в личных формах глагола совершенно несходны с формами числа существительных и иногда даже не совпадают по употреблению (в некоторых языках, между прочим, в древнерусском и русских народных говорах встречаются случаи употребления множественного числа глаголов при существительных собирательных в единственном числе); кроме того, формы лица и числа глаголов даже и не требуют при себе непременно подлежащего, с которыми эти глаголы согласуются". (Н.Н.Дурново, 1924, с.113-114).

Отвергая идею согласования с подлежащим сказуемого по форме лица и числа, Н.Н.Дурново подчеркивает различие категории лица глагола как асемантической от той же категории существительного как семантической. Это, разумеется, верно. В глаголах лицо обозначает отношение сообщения к участникам коммуникации. Первое лицо единственного числа *указывает* на говорящего, а второе лицо единственного числа - на слушающего. Третьим лицом указываются те объективы и аффективы, которые не являются участниками коммуникации (неодушевленные предметы и лица). Во множественном числе 1-е лицо не обозначает агента говорения: это либо "я"+"ты"="мы", но не "я"+"я", либо "я"+"он" (она, оно, они)="мы". На основании указанных различий обнаруживается два класса оппозиций - по субъективности (я/не-я) и персональности (я+ты/он, она, они). Указанные оппозиции являются универсалиями (Э.Бенвенист, 1974, с.250-270; Л.Теньер, 1988, с.131). В русском языке противопоставление по субъективности обозначено в некоторых глаголах флексией основ в формах единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения: пеку ~ печешь ~ печет (альтернанту <к> соответствует "я", а альтернанту <ч> - не-я); во множественном числе настоящего времени изъявительного наклонения

флексия основ обозначает оппозицию по персональности: печем ~ печете ~ пекут (альтернант <ч> обозначает "мы" и "мы"+"вы", а альтернант <к> - "они". Выступая в качестве диакритика в позиции глагольного сказуемого, категория лица актуализуется в семанте подлежащего как первого актанта данной диатезы. Реализация диакритика глагола в семанте подлежащего переводит категорию лица в форму синтаксического управления, которая семантически, как копия с внутренней ситуации. Таким же диакритиком, как лицо, является и число глаголов, что отмечает Н.Н.Дурново выше ("... формы числа в личных формах глагола совершенно несходны с формами числа существительных и иногда даже не совпадают по употреблению...").

Категории лица и числа существительных, как показывает анализ А.А.Шахматова (1941), семантически. Принадлежит, как и Н.Н.Дурново, к Московской формальной школе, А.А.Шахматов отмечает наличие формальных принадлежностей лица как этической единицы (*несинтаксические формы слова* в трактовке Московской формальной школы, *транслятивы* в концепции Л.Теньера): в ряде существительных типа: *воевода, тупица, умница, слуга, невежа, левша, заика, замарашка*. При этом имена лиц среднего рода на -о переходят в своем склонении в склонении слов на -а: Ткаченку, от Ткаченки и т.д. Отметим кроме того замену окончания слов на -ало, означающих окончания слов на -ало, означающих именно лиц, окончанием -ала: *обирала, обедала, оплетала, шагала, вышибала, подлипала*. Категорию лица находим еще в словах мужского рода на согласную; так слова на -ин в единственном числе, если это -ин не повторяется во множественном числе, означают только лиц мужского пола: *гражданин-граждане, болгарин-болгаре, хозяин-хозяева, шурин-шурья* и т.д. Еще резче выражается эта категория во множественном числе: окончания -е, -а (неударяемое), -ва свойственны только именам лиц мужского пола: ср. *граждане, бояре, римляне, хозяева*; также окончания на -я: *мужья, друзья, кумовья*; окончание -и при основе на твердую исконно согласную точно также является только в именах лиц: *черти, соседи* (склоняются дальше по

аналогии слов как *люди: чертей, соседям* и т.д.); напротив окончания *-ья* без ударения известно почти только от неодушевленных (исключения - *братья, холопья*); и также только в неодушевленных является окончание *-ы* с ударением (при неударяемости падежных окончаний, в единственном числе): *пары, сады, ряды, шаги, духи (но духи)*; единственным исключением является нерусское слово *пан; паны; шуты* являются при *шута, шутом*.

Категорию лица можно проследить еще в употреблении числительных *двое, трое, четверо*. Они соединяются только с именами лиц: *двое мужей, трое друзей, четверо солдат, также двое детей*; Имена женского рода, как имена животных и неодушевленных предметов, не могут иметь при себе таких числительных: *две жены, два вола, три волка* (А.А.Шахматов, 1941, с 128-129).

Точно также, по А.А.Шахматову, тектоничны различия по числу в глаголах и экзистенциональны различия по числу существительных (А.А.Шахматов, 1941, с.130-131).

Некоторые *понятия* мыслятся нами только в единственном числе, не допуская множественного (М.Fludernik, 1993, с.87-88). Кроме отвлеченных, вещественных и собирательных, сюда относится ряд конкретных существительных. Относительно состава конкретных слов, употребляющихся только в единственном числе, можно заметить, что он определяется, прежде всего, единичностью тех предметов или представлений, которые этими словами обозначаются; таковы, например, имена собственные, означающие местности (города, реки), названия стран света; сюда же относятся слова, представляющие во множественном числе другую основу или ассоциирующиеся с другим словом: *человек - люди, цветок - цветы*; сюда же, наконец, относятся и такие слова, которые во множественном числе имеют другой оттенок значения; хлеб означает более широкое понятие, или, точнее, имеет несколько значений, между тем как множественное число *хлеба* ограниченнее в своем значении и не покрывает слова *хлеб* (нельзя сказать: **вынула хлеба из печи*). Все эти слова мужского

рода объединяются в одной категории единичности, что можно заключить, например, из того, что ни одно из них не может образовать родительного падежа на -у в современном русском литературном языке: ср. *из Рима, из Петербурга, из Калинина, из Пудожя* и т.д.; также *дайте хлеба, с юга, с востока*. Единичность в словах на -ин выражается этим суффиксом; во множественном числе находим основу без -ин (образования типа *воины, литвины, мордвины, русины*, принадлежат к книжным и искусственным). Замечательно соединение подобных образований на -ин с числительным *два, три, четыре*; также *два цветка, два человека, три человека* (даже *сто цветков, пять, десять, сто человек*). Ясно, что категория мыслит те или другие единичные предметы в числе двух, трех и вообще многочисленных, но не допускает представления о них в неопределенном числе. Мы говорим: *пять дворян, сто бояр, не дворянинов, бояринов*, в силу унаследованного издревле словоупотребления. Заметим, что в словах на -ин сказалась также категория лица. Категория единичности не исключает считаемости. Можно сказать: в России *два Кузнецка, две Десны, два Ростова, две Двины*, но мы не скажем: *Кузнецки, Двины*. Оставляя в стороне названия городов, горных хребтов (Карпаты), видим, что в *pluralia tantum* особенно красноречиво доказывается экзистенциальность категории множественности-единичности. *Pluralia tantum* обозначают:

- а) сложные или составные орудия или предметы: *сани, щипцы, дрожки, ворота, клещи, мехи, гусли, счеты, весы*;
- б) части тела: *уста, икры*;
- в) карточные масти: *черви, вини*;
- г) разделение времени: *будни, святки, сумерки*;
- д) названия праздников, обрядов, служб: *крестины, именины, похороны*.

К словам этой категории отнесены те формы множественного числа, которые в единственном числе являются с другими оттенками и малоупотребительны, например: *плоды, святые дары, пески*, а также такие слова, как *люди* (при *человек*), *дети* (при *дитя*). Слова, употребляющиеся

только во множественном числе, могут подлежать счету, но слово *один* получает при этом форму множественного числа, а вместо *два, три, четыре, пять* и т.д. употребляются *двое, трое, четверо, пятеро* и т.д.: *двое ворот, трое щипцов, у меня сегодня двое крестин*.

Принимая во внимание экзистенциональность категорий лица и числа имен существительных и тектоничность категорий лица и числа финитных глаголов, правильнее говорить о приспособлении сказуемого по лицу и числу подлежащему, а не о их *согласовании*, как это принято говорить об атрибутивных отношениях между существительными и прилагательными; именно такой термин, как будет показано ниже, предлагает представитель Московской формальной школы А.М. Пешковский. "Главнейшей формой словосочетания, лежащей в основе всех остальных, - писал А.М.Пешковский, - является так называемое, "нераспространенное предложение", т.е. "именительный падеж+согласуемый с ними глагол" (А.М.Пешковский, 1922, с.23). А.М.Пешковский подчеркивал асемантический характер синтаксической связи подлежащего со сказуемым: "Именительный падеж имени, часть такого словосочетания, называется *подлежащим*; глагол как часть такого словосочетания является *сказуемым*". Согласование происходит в тех синтаксических формах глагола, которые способны к *грамматическому уподоблению* имени, т.е. в формах *лица* и *числа*, а в прошедшем времени рода и числа (А.М.Пешковский, 1922, с.23).

Однако, попытка А.М.Пешковского обратиться к семантике для определения подлежащего немедленно терпит крах: "Имя же, с которым он [глагол] согласуется, предмет, который своей деятельностью производит свой признак ..." (А.М.Пешковский, 1922, с.23). Вот и неверно! В таких случаях, как "Мальчик напорол ногу на гвоздь," действие производит не "мальчик"(это аффектив), а инструментив "гвоздь", ср. "Гвоздь пропорол мальчику ногу". Сходным образом аффектив употребляется в позиции подлежащего и при глаголах получения: *Продавец получил у покупателя деньги за покупку*. Здесь подлежащим является адресат, а не адресант

(существительное " *покупатель*" занимает место косвенного дополнения). Не является производителем действия и предмет, обозначенный формой подлежащего в пассивной диатезе: (*Дом строится рабочими*), где агентив находится в позиции дополнения.

Как будет показано ниже, дополнения, обозначенные косвенными падежами, значения которых Н.Н.Дурново и А.М.Пешковский считают неопределимыми (Н.Н.Дурново, 1924, с.83; А.М.Пешковский, 1922, с.24) так же хорошо, как и значение подлежащего, определяются этической единицей, обозначенной падежной рамкой (фреймом падежа).

Однако А.М.Пешковский отлично понимал асемантичность выделения подлежащего из других дополнений. Наша аргументация лишь повторяет доводы самого Пешковского: "Значение это,... как и всякое грамматическое значение, может состоять в полном *противоречии с вещественной стороной словосочетания*. Так, в словосочетании "Дом строится плотником", "Вор наказывается властями" вещественная сторона говорит, что предмет ничего не производит, а напротив, подвергается воздействию других предметов. Грамматическая же сторона говорит, что он производит признак "строения или наказания посредством других предметов" (А.М.Пешковский, 1922, с.27).

Фактически А.М.Пешковский противопоставляет здесь тектонические различия единиц грамматического яруса - семантическим (внутренней ситуации), о чем речь пойдет ниже. Дальнейшая трактовка А.М.Пешковским членов простого распространенного предложения последовательно тектонична, что сближает Московскую формальную школу с новейшими решениями синтаксической теории в работах Ю.К.Лекомцева и И.Ф.Вардуля. На идеи А.М.Пешковского опирается и выдающийся лингвист современности Л.Теньер.

Как и Н.Н.Дурново, А.М.Пешковский исходит из этических единиц грамматического яруса:

1) Косвенные падежи имен, или так называемые дополнения ("дом отца стоит на крыльце", "разговор с больным вызвал припадок"). Как и в подлежащем возможно замещение существительного субстантивом (с больным). Связь дополнения с господствующим словом интерпретируется как управление. При этом как управление трактуется отношение существительного к родительной принадлежности, ср. *дом отца*, кроме формы подлежащего, рассматривается как дополнение, даже если существительное транслировано в прилагательное (ср. *отца* в форме *дом отца*).

А.М.Пешковский делит дополнение по форме косвенного падежа с предлогом и без предлога. Косвенные падежи с предлогом А.М.Пешковский называет составными дополнениями ("*на крыльце*", "*с больным*"). Однако, это деление некорректно. На самом деле семантика косвенного падежа не является суммой семантем предлога и падежного суффикса. Так, по мнению Б.А.Серебрянникова, падежное окончание (падежный суффикс *-а*) в сочетании *дом отца* функционально совершенно не отличается от французского предлога *de* в словосочетании *la maison de mon père* "дом моего отца" (Б.А.Серебрянников, 1976, с.30). Целостная семантика падежа выражается разными средствами в разных языках, оставаясь универсалией: только суффиксом или сочетанием суффикса с предлогом, только порядком слов или только предлогом (см. Л.Теньер, 1988, с.126-130).

Нельзя согласиться и с утверждением А.М.Пешковского о том, что родительный падеж в сочетании *дом отца* - дополнение. Сопоставление с французским, приведенное выше, доказывает, что и в русском, и во французском языке имеет место трансляция существительного в прилагательное; родительный падеж существительного и "существительное + предлог *de*" во французском не может рассматриваться как актант, т.е. дополнение (Л.Теньер, 1988, с.376-377). Как и предлог *de* во французском, так и суффикс *а* в русском обладают не семантической, а лишь структурной значимостью.

Далее А.М.Пешковский включает дополнение в понятие управления. Отмечая факты, когда дополнение относится ко всему словосочетанию, учёный подводит нас к основному принципу современной падежной грамматики: любое значение морфемы, например, падежа, включается (в значении той же категории) в словосочетание как эмическую единицу, так что падеж именно в составе словосочетания (в том числе и предикативной фразы) выявляет свое значение "...отношения данного предмета к другому предмету или признаку" (А.М.Пешковский, 1922, с.24). Иначе говоря, этическая единица категории падежа включается в эмическую единицу той же категории падежа и определяется только в составе эмической единицы.

Для транслятов из существительных в прилагательное типа *дом отца* Пешковский определяет зависимость существительного от существительного как примыкание.

В рамках простого распространенного предложения А.М.Пешковский выделяет также имена, согласуемые с другими именами, или так называемые определения (куда включает имена существительные, связанные с господствующим словом как атрибутивными, так и аппозитивными отношениями - "хорошая погода", "ученик Иванов".) Не вдаваясь в критику неразличения атрибутивных отношений и аппозиции, отметим, что и здесь член предложения *определение* выделяется по этическим единицам части речи - существительному и прилагательному.

Наконец, исходя из категорий наречия и инфинитива (последний в концепции частей Московской формальной школы рассматривается как особая часть речи, см.: Н.Н.Дурново, 1924, с.140), А.М.Пешковский выделяет еще два класса второстепенных членов предложения:

а) Наречия и деепричастия, или так называемые обстоятельства ("Он хорошо пишет", "Он ел стоя"). Отношение этого члена к другим за отсутствием синтаксических форм выражаемое лишь порядком слов и интонацией, может быть определено только как примыкание, а значение всецело определяется синтаксической стороной наречия и деепричастие

включается в наречие, см.Н.Н.Дурново, 1924, с. 139-140). Значение деепричастия и наречия - признак признака (А.М.Пешковский, 1922, с.26).

Последовательно выводя члены предложения из категорий частей речи, А.М.Пешковский рассматривает как особый член предложения инфинитив. Если инфинитив - отдельная часть речи, то ему соответствует и член предложения.

б) Инфинитив, или второстепенное сказуемое, которое так же, как и обстоятельство, свободно примыкает к другим членам распространенного предложения (притом к любому члену) и также совпадает по значению с инфинитивами как частью речи (А.Е.Супрун, 1971 с.104-105; Л.В.Щерба, 1957, с.90-91).

Все перечисленные добавочные члены распространенного предложения называются А.М.Пешковским второстепенными членами, а основные, одинаково присутствующие и в распространенном и в нераспространенном предложениях - главными членами (Л.В.Щерба, 1970, с.86-87).

Последовательно асемантический подход к понятиям членов предложения сводит отличия главных членов предложения от второстепенных к наличию главных членов как в нераспространенном (ядерной конструкции) предложении, так и в распространенном. Иначе говоря, главные члены предложения обязательны, а второстепенные, как правило, - факультативны. И это единственный критерий различения главных и второстепенных членов предложения. Дальнейшие различия между членами предложения сводятся лишь к способам оформления зависимостей и примыканию, которые налагаются на категории частей речи (R.Quirk et al., 1973, с.502-504).

Предложенная концепция членов предложения Московской формальной школы сохраняет свою силу до тех пор, пока не приходится оценивать зависимости с позиций семантики (Th.Vennemann, 1977, с.616-617). Основным препятствием для семантической интерпретации членов предложения является понимание подлежащего как независимого члена

предложения или даже как импликационного центра предложения (Th.Vennemann, 1974, с.347-348). Всякая попытка такой семантической интерпретации терпит крах именно потому, что семантически подлежащее не является импликационным центром. Примером может служить "сценарий" семантической ситуации распространенного предложения, предложенный Пешковским: "...такой-то главный предмет, стоящий, прямо или косвенно, в известных отношениях к таким-то другим предметам, признакам и признакам признаков, производит такой-то свой главный признак, стоящий, в свою очередь, прямо или косвенно, в известных отношениях к предметам, признакам и признакам признаков" (А.М.Пешковский, 1922, с.27).

А.М.Пешковский не учитывает диатезу, поэтому "главный признак", как он это видит и сам, может стоять в полном противоречии с вещественной стороной словосочетания. Приводя примеры пассивной диатезы: ("Дом строится плотником", "Вор наказывается властями"), Пешковский говорит, что в этих предложениях "главный предмет" ничего не производит, а напротив, подвергается воздействию других предметов. Грамматическая же сторона указывает на то, что он производит признак "строения" или "наказания" посредством других предметов (А.М.Пешковский, 1922, с.27).

Действительно, Пешковский построил безупречный фрейм подлежащего лишь для активной диатезы. Даже для каузативной диатезы, где подлежащим также выступает агентив ("одушевленность" + "активность" + "каузирует качественное преобразование какого -либо объектива"), речь идет не о "главном признаке", а о "каузации качественного преобразования объекта". В возвратной диатезе, а также во взаимной диатезе меняется содержание и подлежащего, и сказуемого (А.В.Циммерлинг, 2000, с.120-121).

Фрейм подлежащего был бы безупречен, если бы речь шла не о "главном предмете", а о зависимости выбора формы согласования по лицу и числу (или роду и числу) "главного признака" с "известным предметом" от одной из пяти диатез. Иначе говоря, следовало признать наличие лишь одного импликационного центра - глагольного сказуемого. С такой поправкой мы

принимаем концепцию подлежащего Московской формальной школы. Что касается сказуемого, то классификация "сказуемых словосочетаний", т.е. "составного сказуемого", предложенная для русского языка А.М.Пешковским, совершенно правильна.

"На месте сказуемого и в распространенных, и в нераспространенных предложениях может быть особое "сказуемое словосочетание", - писал А.М.Пешковский, - состоящее из частичного глагола, теряющего в той или иной степени свое вещественное значение, и какого-либо второстепенного члена, вступающего с этим глаголом в особо тесную связь и порывающего иногда даже свои связи с другими членами, к которым он грамматически относится" (А.М.Пешковский, 1922, с.27).

С учетом поправки на импликацию подлежащего сказуемым и диатезу, имеющую своим дифферентором "место" первого актанта (подлежащего), мы сможем принять концепцию Московской формальной школы в качестве отправного пункта для понимания категорий подлежащего и сказуемого для лингвистических объектов типологии языков и контрастивной лингвистики.

Включая в концепцию подлежащего категорию диатезы, мы вводим понятие семантической зависимости, на которую налагается зависимость тектоническая. Семантическая зависимость, как будет показано ниже, заключается в отношениях включения между семантемой глагола и множеством актантов управляемых глаголом. Объединяя управляемые актанты в ситуацию, семантема глагола образует синтагматическое поле (W.Porzig, 1957), имеющее актанты своими партиципантами. Диатеза выступает как система категориальных зависимостей между падежными категориями актантов, выделяющая один из актантов как первый (подлежащее).

Трактовка частей речи, на которую опирается А.М.Пешковский, вводя семантические параметры в тектонику членов предложения, идентична делению на актанты и сирконстанты Л.Теньера. Более того, Л.Теньер принял у А.М.Пешковского идею о семантической сводимости категорий частей

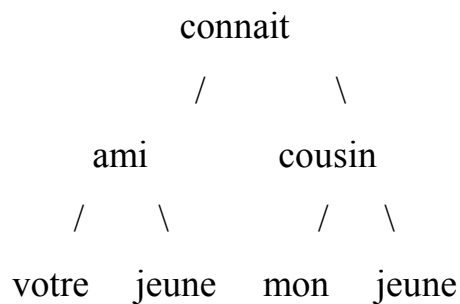
речи к двум смыслам - предмету и признаку. Но именно К.Теньер обратил внимание на вхождение понятия подлежащего в понятие диатезы:

"Противопоставление субъекта предикату скрывает, в частности, способность актантов взаимозаменяться, которая лежит в основе заголовных преобразований (Л.Теньер, 1988, с.120), ср.лат. *Filius amat patrem* "Сын любит отца" путем простой взаимозамены актантов превращается в пассивное, ср. лат. *Pater amatur a filio* "Отец любим сыном": первым актантом становится *pater* "отец" вместо *filius* "сын", вторым - *a filio* "сыном" вместо *patrem* "отцом". В русском переводе наблюдается трансформация пассивации, обозначенная страдательным залогом. Заметим, что здесь неуместно рассматривать дополнительную дистрибуцию возвратного и страдательного залога в русском языке, которые являются этическими вариантами пассивной диатезы как этической единицы, включающей в себя названные залогом. Типология активной и пассивной диатезы в русском и узбекском языках нуждается в специальном исследовании. Ограничимся лишь указанием, что возвратный залог и страдательный залог в русском языке генетически различны. Страдательный залог восходит к системе старославянского языка. В креолизованной системе русского языка выбор страдательного залога задается одушевленностью актантов, ср. *Рабочие строят дом ↔ Дом строится рабочими*, где агентив обозначается сочетанием возвратного залога в глаголе при объективе в трансформах активной и пассивной диатезы.

Поскольку Л.Теньер отказывается от понятия членов предложения, ему приходится использовать вместо термина "подлежащее" термин "субъект", а вместо сказуемого - "предикат". Л.Теньер исходит из гипотезы глагольного узла как центрального в предложении и строит структурные схемы (стемы) глагольных и субстантивных (именных) узлов как зависимостей актантов и сирконстантов от глагола. В нашей диссертации принимается гипотеза Л.Теньера о вербацентризме предложения как системы зависимостей актантов и сирконстантов от глаголов.

Аргументом в пользу вербацентризма может служить идентичность именных узлов в подлежащем и дополнении. Природа и внутренняя структура именованного узла подлежащего полностью сопоставима с характером и структурой элементов второго актанта (прямого дополнения) с точки зрения их зависимостей от финитного глагола.

Л.Теньер приводит пример: *Votre jeune ami connaît mon jeune cousin* 'Ваш молодой друг знает моего юного кузена'. Здесь элемент *mon jeune cousin* 'моего юного кузена', образует субстантивный узел, совершенно аналогичный узлу *vous jeune ami* 'ваш молодой друг'. Следовательно, нет никаких оснований помещать их на разных уровнях, что неизбежно, если допустить противопоставление субъекта и предиката (подлежащего и сказуемого), с р-стему обоих трансформов (Л.Теньер, 1988, с.120)

Это неудобство исчезает, если признать эквивалентность подлежащего *ami* "друг" и дополнения *cousin* "кузена".

Противопоставление субъекта предикату (подлежащего сказуемому), считает Л.Теньер, мешает увидеть структурное равновесие в предложении, поскольку оно ведет к изоляции одного из актанта в качестве субъекта и исключению других актанта, которые вместе с глаголом и всеми сирконстантами отнесены к предикату. Такой подход означает, что одному из членов предложения придается несоразмерная значимость, не оправданная ни одним строго лингвистическим фактором (Л.Теньер, 1988, с.120).

Более того, противопоставление субъекта предикату (подлежащего сказуемого) искажает истину, так как приводит к выделению уровня подлежащего из уровня других актанта: каждый актант изменяет не только диатезу (что абсолютно правильно), но и свой уровень относительно других

актантов (что искажает истину) вместе с изменением диатезы, например, в результате трансформации пассивации. Если же согласование подлежащего со сказуемым рассматривать как дифференциатор диатезы, тогда будет правильным определение различия между подлежащим и дополнениями не по частям речи - принадлежности к именам существительным, - а по падежам, как это делает А.М.Пешковский.

Скрывая залоговый механизм, противопоставление субъекта предикату (подлежащего сказуемому) затушевывает всю теорию актантов и валентности глаголов.

Кроме того, оно мешает возможности обосновать факты юнкции (однородных членов предложения) и трансляции (изменения категории грамматического яруса в результате деривации, ср. *дом отца = отцовский дом*), которые при подходе к глагольному узлу как к центральному легко объяснимы. Вместе с тем сказанное не исключает целесообразности исследования лингвосомиотической природы подлежащего и сказуемого, поскольку остаются типологически значимыми категория диатезы и семантика именительного падежа как имени существительного. Необходимо только каждый раз, когда речь пойдет о подлежащем и сказуемом, иметь в виду, что сказуемое управляет подлежащим в форме именительного падежа, а употребление актанта в форме именительного падежа - дифференциатор диатезы.

Не случайно, традиционные грамматики, например, российские академические грамматики и школьные учебники не пользовались рассмотренными выше понятиями. Они и не могли ими пользоваться, так как в известной степени основывались на чистой логике, не имеющей отношения к грамматике.

Попытки совместить теорию подлежащего и сказуемого с семантическим анализом в терминах современной теоретической лингвистики эклектичны и поэтому не могут быть полезны. Под этим углом зрения следует оценивать, например, концепцию проф. А.И.Смирницкого и

И.Ф.Вардуля. В этих концепциях наиболее последовательно проявляется интерпретация распространяющих (второстепенных) членов предложения при сохранении учения о главных членах предложения - подлежащего и сказуемого. У А.И.Смирницкого (1957) дополнения есть знаки актантов, не обозначенные подлежащим ("это второстепенные члены предложения, обозначающие предмет, участвующий в процессе, причем это обозначение не связано с выражением предикации" (А.И.Смирницкий, 1957, с.201).

Обстоятельства знаки сирконстантов ("обстоятельство представляет собой второстепенный член предложения, обозначающий условия, в которых протекает процесс" (А.И.Смирницкий, 1957, с.219); традиционные обстоятельства образа действия, обстоятельства меры и степени рассматриваются как разновидность определений.(А.И.Смирницкий, 1957, с.223-227). Определения - адъюнкты ("для определения как члена предложения характерно обозначения признака независимо от того, к чему этот признак относится" (А.И.Смирницкий, 1957, с.232); причем допускается, что, наряду с атрибутивными, субстантивные члены тоже "могут служить для обозначения признака" (А.И.Смирницкий,1957, с.231). Но в последнем случае стирается различие между обстоятельствами и определениями; так как наречия, выражающие обстоятельства, также обозначают признаки: (см.выше: А.М.Пешковский, 1922, с.26). Фактически понятие определения, введенное А.И.Смирницким, некорректно.

Не может быть сомнения, что различия между предметами и признаками должны учитываться при классификации членов предложения. Эту задачу Н.Н.Дурново и А.М.Пешковский решают, исходя из концепции пяти частей речи Московской формальной школы (существительное, прилагательное, глагол, наречие, инфинитив). Действительно, значения пяти частей речи Московской формальной школы или четырех частей речи Л.Теньера (существительные, прилагательные, наречия, глагол) тектонически релевантны и для членов предложения. Но тогда, А.М.Смирницкий должен был объединить подлежащее и дополнение в один класс, ибо референты

(партиципанты внутренней ситуации, в нашем понимании) являются актантами. Однако А.М.Смирницкий этого не делает (И.Ф.Вардуль, 1977, с.266).

Критика А.И.Смирницким использования понятия части речи не учитывает вхождения этических единиц, например, залога в эмические диатезу. Тогда еще не была сформирована современная стратификационная грамматика (S.M.Lamb, 1964). Так, по мнению А.И.Смирницкого, "то, к какой части речи данный член относится, не может являться критерием при определении членов предложения", потому что тогда "потеряется специфика членов предложения как особой категории". "В том случае, - продолжает А.И.Смирницкий, - мы могли бы просто говорить о словах, которые стоят только при существительных (присубстантивные) или только при глаголах (приглагольные) и т.п. В этом случае термины, обозначающие члены предложения, показывали бы просто, от какой части речи данное слово зависит" (А.И.Смирницкий, 1957, с.226-227). Сходные идеи высказывались и Л.В.Щербой (1958, с.94). Однако ведь и не существует другого способа ввести категории подлежащего и сказуемого в знаковую модель грамматического яруса. Только лишь указав часть речи, мы можем определить референт в структуре языкового знака для категорий подлежащего и сказуемого. Но необходимо также отметить и на сигнификаты категорий подлежащего и сказуемого в знаковой модели. Для этого нужно найти типологическое обоснование семантем именительного падежа. Однако для построения знаковой модели следует указать и семантемы диатез, дифференторами которых является именительный падеж. Исходя из знаковой модели реализации грамматического яруса, необходимо интерпретировать семантемы именительного падежа и параметры тактической модели реализации грамматического яруса в составе эмической единицы категории залога сказуемого - соответствующей данной семантеме именительного падежа диатезой. Только тогда будет вскрыто типологическое

содержание категорий грамматического яруса, обозначенное терминами "подлежащее и сказуемое".

Сходным образом оценивает позицию проф. А.И. Смирницкого И.Ф. Вардуль: Если мы будем понимать зависимостный подход просто как выяснение того, к какой части речи относится данный член (или еще ограничимся только распространяющими членами, как поступают авторы раздела о словосочетаниях в академической "Грамматике русского языка" [т. II, ч. 1, 1954]), то, действительно, итог будет малозначительным. Такая степень обобщения не может выявить строение предложения" (И.Ф. Вардуль, 1977, с. 267).

Альтернативой традиционной лингвистике у И.Ф. Вардуля является семиотическая интерпретация предложения как десигната (у И.Ф. Вардуля дезигнат). Это означает, что поверхностные структуры - слова и соответствующие части речи соотносятся Вардулем с референтом, так что слова и части речи являются копиями, возникшими в результате обозначения интерпретированных говорящим протоэлементов внутренней ситуации как семантических актантов и сирконстантов и их аранжировки, которая на поверхностных структурах отображается в виде порядка фокусных классов по окружению. Для И.Ф. Вардуля уже считается известным результат выполненной таким способом символизации идеального референта (см. У.М. Чеиф, 1975, с. 40-41).

Результаты символизации интерпретируются И.Ф. Вардулем следующим образом: акциденция - признак, который объединяет партиципаны идеального референта в ситуацию. Таким признаком (семантическим сирконстантом, по И.А. Мельчуку, 1974, с. 117-118) будет или действие (состояние), ср. *солнце всходит, она больна*, или факт принадлежности субъекта к классу, ср. *киты - млекопитающие*, или факт обладания субъекта признаком, ср. *снег бел*, или наличия явления, ср. *вечереет*.

Одной внутренней ситуации соответствует одна акциденция. Таким образом, акциденция для И.Ф.Вардуля - это тот протоэлемент, который в языках аналитического типа отображается на сказуемое. Разумеется, нужно допустить и такие перифразы, когда акциденция отображается и не на сказуемое, но эта возможность, как и сам термин "сказуемое", пока Вардулем не оговаривается, так как подобные перефразы онтологически отличаются от акциденции: акциденция - результат символизации глубинной структуры, а сказуемое и другие перифразы акциденции - результаты интерпретации акциденции средствами единиц грамматического яруса в поверхностных структурах. Другим партиципантом идеального референта является актант (в терминах И.А.Мельчука - семантический актант), предмет, который участвует в данной внутренней ситуации. Протоэлемент, являющийся актантом, для многих ситуаций, как указывает Вардуль, обязателен. Но имеются и такие ситуации, для которых наличие актанта необязательно (ниже мы покажем, что речь идет только об агентиве, а актанты с другими константами возможны, хотя и не обязательны для рассматриваемого типа акциденций).

Однако если учитывать в классифицируемых членах предложения все виды зависимости между категориями грамматического яруса, а в подчиняющихся членах усматривать только те частеречные значения, которые релевантны понятиям актантов и сирконстантов, то результат будет вполне эффективным. В этом случае мы получили четыре грамматических класса подчиняющихся членов: субстантивные (существительные), акцидентивные (глаголы), адъективные (прилагательные) и адвербиальные (наречия). Иначе говоря, И.Ф.Вардуль возвращается к инвентарю частей речи, предложенному Л.Теньером (1988, с.76); те же самые части речи, но с добавлением инфинитива, задает и Московская формальная школа (см. выше: А.М.Пешковский, 1922). Очевидно, суть возражений И.Ф.Вардуля против оценки Смирницким отождествления частей речи и членов предложения сводится не к установлению соответствий между членами предложения и

частями речи, а к недостаточности простой констатации этой зависимости. Такого же мнения придерживаемся и мы: нужно указать парадигматические отношения между членами предложения, т.е. зависимостями между местами (позициями в предложениях) актантов и сирконстантов с точки зрения отношений импликации и учетом субкатегорий, относящихся к каждой из частей речи (в смысле Московской формальной школы или Л.Теньера), поскольку именно субкатегории, такие, например, как вид и залог, обозначают тип зависимостей импликационного характера между членами предложения. Так, эмические единицы залога (диатеза) обозначают отношения импликации между глагольным структурным центром и актантами, аранжируя место каждого актанта, в том числе и подлежащего в форме именительного падежа, а вид задает сочетаемость глагола с грамматическими классами наречий. Такого рода зависимости между субкатегориями мы считаем парадигматическими, в отличие, например, от отношений между однородными членами предложения, которые имеют синтагматический характер (Ю.К.Лекомцев, 1983, с.123).

Вардуль И.Ф. ищет возможность заменить категории частей речи категориями десигната, иначе говоря, перевести анализ из поверхностных структур в глубинные. Очевидно, те зависимости, которые обозначает Вардуль, относятся не к перифразам протоэлементов в возможных предложениях, а к самим протоэлементам и их глубинной дистрибуции (И.Ф.Вардуль, 1977, с.267).

Нельзя согласиться с И.Ф.Вардулем и в том, что актанты и сирконстанты суть функтивы функции импликации в составе десигната. В этом смысле Вардуль И.Ф.т в виду элементы идеального референта, в отличие от членов сигнификата как синтагматического поля предложения (в нашем понимании, речь идет о семантических актантах и сирконстантах, в отличие от синтаксических актантов и сирконстантов). В наших терминах, такими функтивами являются протоэлементы.

Вардуль И.Ф. считает, что акции как функтивы от акциденции, зависят от субстанциональных членов ситуации - актантов (И-зависимость). В свою очередь, актанты зависят от акции. Акции имплицитуют наличие в одном и том же факте (ситуации) одного или более актантов; актанты имплицитуют наличие в той же ситуации одной и только одной акции (ср. один актант при одной акции: *Солнце всходит*; более одного актанта при одной акции: *Маляр красит потолок*). Возможна ситуация, где отсутствуют партиципаны, которые можно истолковать как актанты. Такие протоэлементы И.Ф.Вардуль называет эвенциями (событиями). Эвенции характеризуются, по И.Ф.Вардулю, W-зависимостью от семантических актантов (события определяют отсутствие актантов), ср. *Вечереет*. Ситуации, содержащие эвенцию, включают один партиципант (центричность ситуации равна 1), ситуация, содержащая один актант акции, имеет центричность 2 (два партиципанта), с акцией и двумя актантами - 3 (три партиципанта) и т.д.

Далее И.Ф.Вардуль вводит понятия распространяющих членов сирконстантов и адьюнктов; сирконстанты - это элементы, зависимые от "базы" десигната (понятие "базы" Вардуль не определяет), а адьюнкты партиципаны, связанные односторонней зависимостью от отдельных членов ситуации.

С принципом распространения партиципантов ситуации сирконстантами и адьюнктами мы согласиться не можем. Вардуль И.Ф. явным образом переносит на внутреннюю ситуацию синтаксические зависимости, свойственные поверхностным структурам. Если так, не стоило переформулировать концепцию А.М.Пешковского, изложенную выше. Впрочем, разработанная названным учёным концепция членов предложения могла остаться неизвестной И.Ф.Вардулю, так как он ссылается лишь на "Русский синтаксис в научном освещении", а ссылок на "Школьную и научную грамматику" А.М.Пешковского в его монографии нет. Поэтому, оценка И.Ф.Вардулем концепции А.М.Пешковского (И.Ф.Вардуль, 1977, с.264) оказывается неполной, а в силу этого и односторонней.

Предложенный И.Ф.Вардулем анализ знаковой интерпретации членов предложения дает основания для дальнейшего уточнения сигнификативных и референтных зависимостей в синтаксисе.

Продолжая изложения взглядов И.Ф.Вардуля на члены предложения, мы учитываем указанный эклектизм - смешение семантических и синтаксических зависимостей.

Исходя из классов протоэлементов, рассмотренных выше, И.Ф.Вардуль определяет сказуемое как член предложения, характеризуемый W зависимостью от субстантивного члена (семантического актанта, в терминах И.А.Мельчука, 1974, с.121-122), ср. *сорвал* в "*Ветер сорвал крышу*", *сорвана* в "*Ветром сорвана крыша*", *глубока* в "*Река глубока*". Член предложения, характеризуемый W-зависимостью от акцидентального члена, есть подлежащее: *ветер* в "*Ветер сорвал крышу*" и *крыша* в "*Крыша сорвана ветром*", *река* в "*Река глубока*" и т.д. Член предложения, характеризуемый W-зависимостью от субстантивного члена, есть нерасчлененное, ср. *сорвало* в "*Ветром сорвало крышу*", *знобит* в "*Меня знобит*", *вечереет* в "*Вечереет*" и т.д. Член предложения, характеризуемый W-зависимостью от акцидентивного члена, есть называющее, ср. *листва* в "*Листва! Но я забыл ее шелест, скитаясь по этим степям*" (К. Симонов), *мальчик* в "*Держись, мой мальчик: на свете два раза не умирать*" (К.Симонов).

Недостаток предложенной здесь Вардулем классификации членов предложения (И.Ф.Вардуль, 1977, с.267) заключается в том, что он пытается поместить в безличные предложения актанта, не являющиеся агентивом. Таким образом рушится понятие W-зависимости. Действительно, *ветром* в "*Ветром сорвало крышу*" - актанта, но инструментив. Иначе говоря, здесь есть W-зависимость только для агентива; точно также актанта, но объективом является и *крышу*. Сказанное справедливо и для *меня* в "*Меня знобит*", - это аффектив. К каждому из указанных актанта имеет V зависимость от акцидентивных членов; иначе говоря, указанные актанта эквивалентны подлежащему, как эквиваленты подлежащему трансформы в трансформации

пассивации: "*Ветер сорвал крышу*" ↔ "*Крыша сорвана ветром*". В нерасчлененном (по И.Ф.Вардулю) имеет место трансформация безличности. Таким образом, зависимости, найденные И.Ф.Вардулем, обозначают различия перифраз. Это синтаксические, а не семантические различия, результат интерпретации сигнификатов, а не референтов (десигнатов, по Вардулю).

Возникает законное сомнение, а имеются ли вообще члены предложения? По крайней мере, Л.Теньер (1988) прекрасно обходится без понятия "члены предложения", хотя части речи обязательны. Не случайно И.Ф.Вардуль избегает полемики с Теньером (хотя в монографии И.Ф.Вардуля имеется ссылка на "Структурный синтаксис" Л.Теньера, 1988. Как будет показано ниже, зависимости, найденные И.Ф.Вардулем, отсутствуют, по крайней мере, в инкорпорирующих языках.

Оценивая концепцию Вардуля, мы должны отметить, что последний тектонический класс, характеризуемый W-зависимостью от акцидентивного члена, следовало бы разбить на два подкласса: понятие *называющее* следовало бы оставить за вокативом. Синтаксическая форма вокатива - омоним именительного падежа, не содержащий падежной константы, ср. древнерусский язык: *отче*, где представлена звательная форма *отче*, не являющаяся падежом. В данном случае действительно нет актанта. Что же касается безличных предложений, их следует рассматривать как редукцию акциденции, т.е. как перифразу V зависимости (С.К.Шаумян, 1971, с. 41).

Новый свет на понимание членов предложения проливают идеи И.А.Мещанинова (1945). Не будем останавливаться на исследовании "понятийных категорий", которые достаточно известны, а обратимся к более тонким материям, указанным И.А.Мещаниновым.

На материале гияцкокого языка И.А.Мещанинов показывает, что в строе предложения слово занимает или зависимое или самостоятельное положение. По этим же показателям разделяются и члены предложения. Везде, где выступает членение предложения, имеется и материал для характеристики

его членов с этой их семантической и формальной стороны. Даже при инкорпорировании можно проследить различное их положение, если само инкорпорирование расчленяется в составе предложения. Благодаря слиянию слов в гиляцком языке, членение на главные и второстепенные члены, по мнению И.И.Мещанинова, выступает ярче, чем в языках неинкорпорированных. В гиляцком языке не сливается то, что воспринимается в предложении как самостоятельные его части. Следовательно, то, что не подчиняется слиянию, выступает в этом языке в значении самостоятельных членов. Прием же слияния, наоборот, применяется для выражения зависимых отношений. Поэтому выразители зависимых понятий сливаются с выражениями господствующих (W.U.Wurzel, 1987, с.95-96).

Здесь И.И.Мещанинов обосновывает мысль, что деление предложения на главные и второстепенные члены предложения является универсалией. Не только в языках аналитического строя, но и в инкорпорированных языках имеются главные и второстепенные члены предложения. "... зависимостью члена предложения в своем выделении и в своем оформлении от семантики предложения свойственна не одним только языкам аналитического строя, но и всем языкам вообще. И, наоборот, если оформление какой-либо слагаемой части предложения зависит не от семантики всего предложения, а от другого слова в составе того же предложения, то она, воспринимаемая в связи с этим другим словом, отдельно не выделяется и позиции самостоятельного члена предложения не занимает. Это свойственно и языкам аналитического строя, применяющим иные приемы для передачи синтаксических отношений между словами, входящими в состав предложения". (И.И.Мещанинов, 1945, с.147).

Таким образом, И.И.Мещанинов разбивает члены предложения на два класса. К первому классу относятся главные члены предложения. Семантически главные члены предложения зависят от всего предложения: их семантика равна "семантике всего предложения", знаками которого они и являются. Сходным образом А.М.Пешковский указывает на обязательность

подлежащего и сказуемого в предложении, а И.Ф.Вардуль говорит об эвентуальности подлежащего в безличных предложениях. Поэтому диатеза является детерминантой языков аналитического строя (о чем скажем ниже), но диатезы нет в инкорпорирующих языках типа гиляцкого: для выделения подлежащего и сказуемого достаточно слияния. Так, в гиляцком *Толф кекъ хумдь урдъ 'Летом лиса живет хорошо'* имеет четыре члена: одно дополнение, одно подлежащее и два сказуемых. Два наличных здесь обстоятельственных слова [сирконстранта! в принятой нами терминологии] *толф* - "летом" и *урдъ* - "хорошо" выражены далеко не одинаковыми синтаксическими приемами, хотя оба они занимают самостоятельную позицию в предложении. Одно из них (*толф*) стоит в начале предложения, не сливаясь с последующим именем. Такое его положение указывает на самостоятельную его значимость в предложении. Не являясь подлежащим, которым по смыслу всего построения будет стоящее за ним слово *кекъ* - "лиса", это впереди стоящее слово *толф* приобретает свое особое значение, но не атрибутивное, так как определение всегда в гиляцком языке сливается с определяемым словом, что не имеет места в рассматриваемом нами построении.

Другое интересующее нас слово *урдъ* - хорошее качество [хорошо] помещено в конце. Таким образом, на последнем месте в предложении, вместо ожидаемого наречия "хорошо", стоит предикативная форма с ее характерным для гиляцкого языка показателем сказуемости *-дъ*. Такое сказуемое не снабжено никаким дополнительно тяготеющими к нему словом, и само оно ни к кому не тяготеет, занимая отдельное в предложении место. Этому не мешает наличие перед ним другого сказуемого *хумдь* - жизнь [живет], равным образом стоящим обособленно и снабженного тем же показателем сказуемости *-дъ*. Связь этих двух сказуемых устанавливается только контекстом, так как каждое из них может выступать в предложении в отдельности, например: *толф кекъ урдъ*- "летом лиса хороша". Что касается слова *толф* - "лето" (летом, то оно выступает в этом предложении как

самостоятельный член, дополняющий собой состав остальных членов предложения. Но, выступая таким самостоятельным членом предложения, *толф* не является ни атрибутом при имени, ни обстоятельством словом при глаголе (см. И.И.Мещанинов, 1945, с.144-145).

Из сделанного наблюдения видно, что для подлежащего и сказуемого самостоятельной позиции недостаточно для выделения в особые категории. Самостоятельное положение может занимать и сирконстант (ср. *толф* в гиляцком языке), который не является ни подлежащим, ни сказуемым. На уровне внутренней ситуации такой сирконстант принимает участие в аранжировке актантов. Для обозначения сирконстанта как сказуемого в поверхностной структуре требуется показатель *-дь*. Иначе говоря, организацию актантов во внутренней ситуации могут принимать на себя не только те протоэлементы, которые получают в поверхностных структурах категорию сказуемого (а следовательно, соответствующий фокусный класс по окружению, но и другие сирконстанты, получающие в языках аналитического типа свой фокусный класс по окружению. В аналитических языках сходную позицию занимают обстоятельственные придаточные предложения Б.С.Хаймович, Б.И.Роговская, 1967, с.117-118).

Возникает проблема, как свести такие относительно независимые непосредственно составляющие, как слово "толф" в гиляцких предложениях или придаточные обстоятельственные предложения к понятию членов предложения и определить их отношение к подлежащему и сказуемому. Решение этой проблемы можно найти операционно (Н.Хомский, 1972, с.101-102).

Необходимо исходить из посылки, что протоэлемент может быть обозначен в поверхностных структурах предложения в составе сложноподчиненного предложения. В этом случае имеют место две разные перифразы одного и того же протоэлемента. Подстановка придаточного предложения вместо члена предложения является трансляцией (Л.Теньер, 1988, с.533 и след.), т.е. синтаксической деривацией. Ю.К.Лекомцев (1964,

с.21-24) называет такого рода деривацию "операцией цикла". Имеет место два случая трансляции:

1) последовательность однородных членов предложения замещает один из членов предложения;

2) целое предложение замещает член предложения.

Оба указанных случая трансляции не приводят к изменению грамматической категории, содержащейся в фокусном классе по окружению поверхностных структур протоэлемента Б.Л.Уорф, 1972, с.46-47).

Возможна и такая трансляция, при которой происходит изменение грамматической категории (А.И.Смирницкий, 1957, с.116-117). В таком случае Ю.К.Лекомцев говорит об операциях транспланации или трансференции. Например, транспланация имеет место в том случае, когда существительное в функции подлежащего оказывается замененным инфинитивом (Ю.К.Лекомцев, 1964, с. 21,24,52-53).

Операционные решения перифраз протоэлементов получает у Ю.К.Лекомцева (1983, с.124) подтверждение результатами типологического сопоставления.

Подстановка предложения вместо некоторого члена предложения (в которых в свою очередь могут быть произведены еще дополнительные преобразования), по мнению Ю.К.Лекомцева, ярко выражено в языках с так называемой "групповой флексией".

Пусть в некотором языке имеется служебная морфема А, выступающая как показатель падежа (в виде предлога, послелога или флексии, безразлично) при основах существительного S_i , и пусть некоторая морфема, совпадающая своей звуковой цепочкой с А, выступает, сохраняя свою относительную позицию, с некоторым классом придаточных предложений P_j . Ситуация такого рода допускает несколько лингвистических решений (например, можно считать морфемы А при существительном и А при придаточном омонимичными и др.), одним из которых является допущение, что придаточное предложение P_j заменяет именную основу S_i в окружении А.

Приняв такое решение, мы осуществляем операцию транспланации: на месте именной основы окажется придаточное предложение. Ю.К.Лекомцев приводит пример из японского языка.

Дополнительное придаточное предложение с показателем исходного падежа *kara* содержится в предложении *Mada wakarimasen kara mo ichido setsumei shite kudasai* “Так как мне непонятно, объясните, пожалуйста, еще”.

Несколько иной, но близкий к первому, тип образует придаточное, содержащее, кроме падежного аффикса формант-субстантиватор. Н.И.Конрад писал: “Соединение одного предложения с другим может происходить еще по одному способу: первое предложение субстантивизируется и ставится в нужном падеже. Такая субстантивизация производится посредством суффикса *po*, поставленного после сказуемого данного предложения. Наличие того или иного падежного показателя после *PN* создает тот или иной тип связи предложений” (Н.И.Конрад, 1958, с.342). Приведем пример придаточного предложения с *-Ga*: *Кемури-да tieru* “Видно, как поднимается дым”. Следующий пример содержит придаточное дополнительное (прямое дополнение с *-wo*: *Futari-Ga tachibanashi-wo schite itano-wo ichido kanshucho-Ga toku-kara mita* “Старший надзиратель заметил, что они оба, стоя, ведут разговор”.

Наконец, можно привести пример употребления предложения в роли определения с нулевым формантом: *Kore-wa nagare-ga dobu datta* “Это была канава, в которой собиралась вода”.

Пример одного из языков Индии - сантали (группа мунда). Послеслог *-ge*, служащий показателем локатива (*orak' ge* “в доме”), способен выступать после целого предложения, превращая его в обстоятельственное придаточное: *Unre undo edreten Hecena, onate ruar ininre re ho ban ruarecna* (P.O.Bodding, 1925-1929, II, с.52). “Тогда я, рассердившись, ушел; когда меня пытались вернуть, я не вернулся”. Следует отметить, что в *unre* послелог *-re*

сочетается с указательным местоимением *in-/on-*, придавая выражению "тогда", "в тот момент".

Во всех случаях такого рода вполне естественно возникает предложение о явлении замены имени (в типичной для него функции) предположением. Круг языковых явлений, объясняемых предположением о замене, значительно расширится, если считать, что замена имени предположением может сопровождаться некоторыми дополнительными изменениями (дополнительными заменами, изменением порядка слов). В качестве примера такого случая возьмем русское предложение: *Передо мной стоял человек, которого я знавал когда-то*. Основная замена состоит в замещении некоторого простого определения, (например, из предложения *Передо мной стоял знакомый человек* или *Передо мной стоял человек из моего прошлого*) целым предложением. Дополнительная замена состоит в замещении слова *человек* из предложения *Человека я знавал когда-то* относительным местоимением *который*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. – М.:В.Ш., 1975.
2. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд. – М.:Учпедгиз, 1956.
3. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.:Прогресс, 1988.
4. Fleudernik, Monica. The Fictions of Language and the Languages of Fiction. The linguistic representation of speech and consciousness. – London-New York, 1993.
5. Циммерлинг А.В. Американская лингвистика сегодняшнего дня глазами отечественных языковедов //Вопросы языкознания. – М., 2000. - №2.
6. Lamb S.M. Outline of stratificational grammar. – Wach, 1966.

INSTITUT FRANÇAIS D'ETUDES SUR L'ASIE CENTRALE (IFEAC)
 ФРАНЦУЗСКИЙ ИНСТИТУТ ИССЛЕДОВАНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ИФЕАК)

КОЛЛЕКЦИЯ “BILINGUES ET DICTIONNAIRES L&M”
 В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ LANGUES ET MONDES – L'ASIATHEQUE (ПАРИЖ)

* * *

Nourali le Preux
 et Marghoumon-Péri

Nurali Botir
 va Marg'umon pari

Fozil Yo'ldashoghli

bilingue ouzbek-français

I F E A C
 BILINGUES L & M
 LANGUES & MONDES

автор – Р.Дор, директор ИФЕАК

Cahiers d'Asie centrale (Центральноазиатские тетради)

Ежегодный журнал ИФЕАК

Опубликованные выпуски:

Cahiers d'Asie centrale, n°13-14 (2004 г.)

Dossier : **Gestion de l'indépendance et legs soviétique en Asie centrale**

(Общая тема: Советское наследие в Центральной Азии)

Cahiers d'Asie centrale, n°11-12 (2003)

Dossier : **Montagnards d'Asie centrale**

(Общая тема: Горцы Центральной Азии)

Cahiers d'Asie centrale n°10 (2002)

Dossier : **Karakalpaks et autres gens de l'Aral / Entre rivages et déserts**

(Общая тема: Каракалпаки и другие жители Приаралья / Между реками и пустынями)

Cahiers d'Asie centrale, n°9

Dossier : **Etudes Karakhanides**

(Общая тема: Караханидские исследования)

Cahiers d'Asie centrale, n°8

Dossier : **La mémoire et ses supports en Asie centrale**

(Общая тема: Память и формы её передачи в Центральной Азии)

Cahiers d'Asie centrale, n°7

Dossier : **Patrimoine manuscrit et vie intellectuelle de l'Asie centrale islamique**

(Общая тема: Рукописное наследие и интеллектуальная жизнь в мусульманской Центральной Азии)

По вопросам подписки или покупки выпусков:

EDISUD

La Calade, RN7

13090 Aix-en-Provence - France

www.edisud.com

Коллоквиумы и конференции в ИФЕАК

2005 г.

Региональный коллоквиум «Тенгризм как новый фактор самоопределения»

Алматы, 25 февраля.

Конференция «Ягнобцы в современном Таджикистане», Душанбе, 29 апреля.

2006 г.

Международная конференция «Традиции Центральной Азии, связанные с пищей»